

ЭО, 2008 г., № 4

© С.-Х.Д. Сыртыпова

ТОПОНИМИЯ САКРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

"Топонимика – это язык Земли, а Земля есть книга,
где история человеческая записывается
в географической номенклатуре".

Н.Н. Надеждин. 1837 г.

Этногенез и топонимия

Историческая значимость ономастического материала бесспорна, так как история имен тесно связана с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью. Плодотворность изучения антропонимии региона в историческом аспекте была прекрасно проиллюстрирована в трудах Ц.В. Цыденданбаева. Анализ родословных таблиц бурят XVIII–XX вв. позволил автору установить языковую неоднородность антропонимов, что является отражением процесса этногенеза в регионе. Исследователем были выделены четыре ономастических пласта: 1) монголо-бурятские и тюркские имена трех-четырёх поколений легендарных предков бурят, являющиеся племенными или родовыми названиями, часто тотемного или топонимического характера, 2) бурятские и тунгусо-маньчжурские личные имена пяти-шести поколений, 3) бурятские и тибетские имена семи-восьми поколений, 4) тибетские, бурятские и русские имена двух-трех поколений бурят. Данный анализ позволил автору предположить, что хори стали отпочковываться как племя ориентировочно в VI в. н.э. Таким образом, антропонимикон бурят отражает влияние тюрков в VII–VIII вв., тунгусо-маньчжуров в XV–XVI вв., тибетцев – посредством буддийского вероучения в XVI–XX вв. и русских в XX в. (*Цыденданбаев 1981: 4–8*).

В историко-культурных реалиях Сибири и Центральной Азии, в частности в Байкальском регионе, где коренное население вело кочевой и бродячий образы жизни, исследователи истории не избалованы наличием письменных источников, поэтому большое значение приобретает изучение топонимии, а при изучении системы культовых объектов неизбежно пристальное обращение к микротопонимии края. Именно материалы топонимии и микротопонимии Байкальского региона подтверждают обоснованность утверждения известного русского географа Надеждина о том, что географическая карта должна быть одним из первых источников изучения истории.

По справедливому заключению Л.В. Шулуновой, топонимическая стратиграфия – "свидетельство заселения края"; она представляет "дополнительные сведения историко-этнографического плана о том или ином народе". Лингвистический анализ топонима, с точки зрения его словообразования, позволяет синхронизировать время расселения с этнической принадлежностью народа, осваивавшего территорию. Так, по наблюдениям Шулуновой, при определении этимологии субстратных топонимов возникают две

ситуации: 1) основа и формант принадлежат одному языку, 2) основа и формант восходят к разным языкам. Например: Загаһата (название населенного пункта в Боханском р-не Иркутской обл., русское написание Загагуй) от бурят. *zagahan* – рыба + суф. *-та*, Сахюрта (населенный пункт в Ольхонском р-не Иркутской обл.) от бурят. *saxjur* – камень + суф. *-та*, или Шаралдайка (Слюдянский р-н Иркутской обл.) от бурят. *шаралдай* – с желтизной + русск. суф. *-ка* (Шулунова 1995: 56–58). При субстратном словообразовании имени отмечается закономерное историческое предшествование основы топонима перед формантом. Иноязычная суффиксация свидетельствует об адаптации названий предшествующих этносов вновь освоившим территорию народом.

Свидетельством об исторических предшественниках, насельниках региона является сохранение в современных географических названиях огромного количества имен тунгусо-манчжурского происхождения. Известный бурятский языковед И.Д. Бураев настаивал на необходимости признания того факта, что в этногенезе бурят очень силен эвенкийский компонент. По мнению ученого, в Бурятии "из иноязычных наибольшее распространение получили названия, восходящие к эвенкийскому языку, что вполне увязывается с историей края". Так, продуктивными словообразующими формантами в эвенкийском языке являются аффиксы *-ра* (со значением обладания признаком), аффикс вторичного имени *-нга*, а также аффиксы *-кан* (образует имена названия по месту жительства), *-хан* (уменьшительно-ласкательный), *-каан* (вторичная глагольная основа со значением подражания). Отсюда, например, происходят названия: Татаурово от *туту* – голубь, *тутура* – голубиный; Ангура – олений водопой, от *унгками* – поить оленей; Селенга – железистая, от *селе* – железо; Кулинга – змеиный, от *кулин* – змея; Аамут – озеро, *амуткан* – приозерный житель; Бира – река, *биракан* – речка; Читкан от *чита* – береза; Улюкчикан от *улюки* – белка. Бураев также считал, что название пос. Агинское происходит от эвенкийского *ага* – поле, открытое место, степь; Могзон (название населенного пункта и одноименного озера) – буквально "длинное озеро", Тэгда – от слова "дождливый", Чикой – от *чоко* – зелень, зеленая трава; Хилок – от *килга* – точильный камень и т.д. (Бураев 1990: 3–8).

Один из наиболее крупных исследователей топонимии Бурятии М.Н. Мельхеев посвятил проблеме многие из своих работ. Из его "Краткого топонимического словаря" в дополнение к свидетельству И.Д. Бураева узнаем, что название известной р. Ангары также происходит из эвенкийского языка: от *анга* – пасть животного, рот, ущелье, расщелина, промоина; Ангара – обладающая разинутой пастью, открытая, выходящая из расщелины. Ашинга – от эвенкийского *асигта* – ель, еловый лес. Ая, Аяя – бухта на берегу Байкала, буквально "добрый, хороший, приятный, удобный". Багдарин – название поселка и горы, от *багда* – белый, *-рин* – суффикс обладания; слово означает буквально признак по цвету – белая гора (известняк). Часто встречающееся название Бильчир означает место слияния двух рек. Икат – название хребта на правом берегу Баргузина – происходит от эвенкийского *икоат* – место остановки для кормления оленей. Название р. Ингода в Читинской обл. – от *инга* – галька, песок на отмели, *ингагда* – галечник¹. Ия – приток Оки; *-ие(н)* – младший, меньший; Кадар – скала, утес (Мельхеев 1969: 109–180).

О тюркских компонентах топонимии Бурятии пишет У.-Ж.Ш. Дондуков. В его статье приведены любопытные сведения о родовом составе населения Тугнуйской долины, среди которых, кроме представителей восьми хоринских родов, присутствуют *загдай угтан* – выходцы из чахар-монголов, *онкод угтан* – из ойратов, *ботоголжо угтан* – хамниганы, *бандай угтан* – выходцы из Тибета, *зангин угтан* – из Внутренней Монголии, *соном-майдар* – из Центральной Монголии, *даха-боотэ* – с о-ва Ольхон. Автор обращает внимание на то, что большинство названий имеет тюркское происхождение, что служит свидетельством исторического прошлого, когда территория была заселена тюрками. Например, по мнению Дондукова, Сутай – происходит от тюркского *су* – вода; название с. Боом – от тюркского слова, означающего *скала*,

утес (у села возвышается одинокая каменная глыба); *Зэрэн* – от тюркского *зэр* – земля, место; *Нуурмай* – от *нуур* – свет, сияние. Автор приводит еще множество примеров названий с тюркскими корнями, многие из которых, впрочем, другими учеными трактуются иначе, например, *Тунка*, по *Дондокову*, – "чистая", а *Тамча* – "стена" и т.д. (*Дондоков* 1990: 90–97). Вопрос происхождения древних названий часто вызывает неоднозначные толкования, которые можно принимать с большей или меньшей долей вероятности. Однако изыскание исторически достоверной этимологии не ставится задачей данной статьи; мнения разных исследователей были приведены лишь для иллюстрации сложного топонимического калейдоскопа Байкальского региона.

Ландшафт, культовая иерархия и дистрибуция в топонимике региона

Как правило, топонимы содержат определенные аппелятивы, отражающие ландшафтную характеристику объекта. Здесь в полной мере раскрывается богатство языка и его диалектологических вариаций в средствах передачи природных свойств географических объектов, которые, несомненно, были значимы для кочевника. Монгольским языкам свойственно большое количество слов, называющих ландшафтные объекты, которые урбанистической культурой воспринимаются как синонимы. Например, *Ц.Ц. Бальжинимаева* отмечает характерные компоненты топонимов бурят-монгольского происхождения для названий гор: *-уула*, *-ундэр*, *-обоо*, *-губоо*, *-толгой*, *-дабаан*, *-буурал*, которые буквально означают "гора, высота, гряда, холм, голова, перевал, седой". В названиях возвышенностей используются компоненты *-хутэл*, *-тэбтэг*, *-далан*, *-добо*. Автор приводит примеры топонимов Агинского бурятского автономного округа: *Согто-уула* (Сияющая гора), *Хухэ-уула* (Синяя гора), *Ундэгэн-буурал* (Яйцо-седой), *Хугшэн-буурал* (Старый-седой), *Агын-дабаан* (Агинский перевал), *Зутхэлин-дабаан* (Зутхелинский перевал), *Боро-губоо* (Серый холм), *Обоо-губоо* (Груда-холм), *Хужартын-обоо* (Хужартайская гряда), *Боро-толгой* (Бурая голова), *Хуһан-толгой* (Береза-голова), *Улан-хутэл* (Красная седловина), *Санжа-хутэл* (седловина Санжи), *Ножин-далан* (Ножинский пригорок), *Сагалжин-тэбтэг* (Сагалжинский склон), *Манза-добо* (возвышенность Манза), *Дамба-добо* (возвышенность Дамба) и др. (*Бальжинимаева* 1990: 32–37). К указанным можно добавить еще целый ряд слов, активно используемых в качестве аппелятивов и обозначающих горные, холмистые образования: *болдог* (небольшой холм), *далан* (пологое всхолмление), *улха*, *улхаса* (холм на ровной местности), *хада* (гора), *хабсагай* (скала), *хушуун* (скала, мыс), *шулуун* (камень, скала, глыба, горы), *сарьдаг* (гора, голец), *шилэ* (пологая возвышенность) и др.

В названиях культовых объектов находят отражение религиозно-мифологические воззрения народа. Для названий сакральных объектов характерно присутствие в их составе гонорифических эпитетов, таких как *баян* – богатый, *буурал* – седой, *ундэр* – высокий, *сагаан* – белый, *хонгор* – добрый, либо специфических приставок типа *-хаан* – царь, *-хатан* – царица, *-эжи* – мать, *-хайрхан* – милостливый, высококочтимый, миленький, *-баабай* – бабушка и т.д.

Информация, заключенная в ономастике и топонимии культовых объектов, чрезвычайно важна. Святыми или культовыми объектами природного происхождения, как уже говорилось, могут выступать различные географические объекты: горы, необычные скалы, источники, озера с лечебными или иными магическими свойствами, другие водоемы, отдельные деревья, пещеры, гроты и т.д. Но особым статусом все же обладают вершины – наиболее высокие в окрестном ландшафте. Вместе с тем это не культ гор вообще, так как нельзя сказать, что любая гора или вершина обречена быть священной. Определить это явление как культ гор – значит, упростить проблему. При таком подходе следовало бы выделить культ рек, озер, источников и т.д.

Говоря о святых горах, нельзя не вспомнить о знаменитой святыне Японии – горе Фудзи – самой высокой в Стране восходящего солнца. Живописный вулканический конус достигает 3776 м. Одно из интерпретаций названия горы – "богиня огня" на языке айнов. Это двусложное фонетическое сочетание часто объясняют также как "богатый воин" или "никогда не умирающая гора". Кроме того, считается, что слово "фудзи" обозначает нечто, что почитается, чему поклоняются. Айну называют гору *Фудзи-ну-нури*, что значит "Гора наших предков". В ясную погоду гора видна из 22 префектур Японии, а с моря – на расстоянии 160 км (Знакомство с Японией 1999: 176).

Вопрос, по каким причинам географический объект или некое место становится святым в понимании насельников края, остается главной проблемой исследования². Причин, по большому счету, может быть две: природная или антропогенная. Первая причина: объект обладает особыми природными характеристиками, обусловленными сочетанием в данной точке каких-то геокосмических проявлений, влияющих на человека (например, геопатогенные зоны). Вторая возможная причина кроется в самом обществе и, стало быть, носит исторический характер, связанный с важнейшими событиями в жизни социума.

Топонимические апеллятивы имеют некоторые закономерности дистрибутивного плана. Такие приставки-эпитеты, как *баян, буурал, ундэр, уула, хаан, нойон, хатан*, распространены у всех монголоязычных народов на обширной территории от Алашаня до Курумкана. Но приставка *хайрхан*, как правило, встречается только в западно-монгольских регионах, в Бурятии – это горные Окинский, Тункинский, Закаменский районы. Эпитет *баабай* имеют объекты с богатой и устойчивой шаманской традицией. Его носят Ольхонский мыс Бурхан и одноименная культовая сопка Бурхан-баабай в тункинском Хойто-голе, место поклонения Шаргай-нойону, а также гора Барагхан и мыс Святой Нос в Баргузинской долине. Эпитет хан имеют объекты достаточно высокого статуса, доминирующие среди других локальных, менее значительных объектов. Например, Хан-уула в Окинском р-не имеет общеокинское значение, Бурин-хан считается покровителем всего горно-саянского региона и распространяет свое влияние до Джиды, Кяхты и Бичуры. Барагхан в Курумканском р-не – главный культовый объект всей Баргузинской долины, Хугтэй-хан главенствует в Чикойской долине, Хан-уула в Могойтуйском р-не считается одним из главных культовых объектов Ононской долины. В буддийских ритуальных текстах, посвященных хтоническим божествам, слово *хан* переводится как *гьяло* (тиб.: *gyal po*), что буквально значит "победитель", – так в Тибете называли царей и правителей. В буддийской терминологии это слово является эпитетом Будды; Гьялва-ринпоче (драгоценный победитель) употребляется при обращении к Далай-ламе.

Что касается почитаемых гор, то в данном случае наблюдается закономерность высотной доминанты, и вероятно, "работает" излюбленная многими авторами мифология мирового древа, однако это не носит абсолютного, всеобщего характера. Изучение традиционной топонимии и микротопонимии региона показывает, что их содержание информативно. Присутствие в названии вершины апеллятива -хан свидетельствует об особом статусе горы и того духа – хозяина местности, символом и обителью которого выступает данный природный объект. Это вершина-доминанта, вершина-владыка местности и, соответственно, патрон всех обитающих здесь существ. Считалось, что святые вершины обладают способностью наделять своей силой того, кто обращается к ним с молитвами и жертвоприношениями. С этим связано табу на восхождение на обоо женщин и чужаков во время ритуалов и общий запрет на восхождение *всуе*. "Ханами" не называли вершины, или обоо, имеющие значение лишь для отдельного рода, семейства, небольшой социальной единицы. "Хан" – это, как правило, гора, почитаемая достаточно крупной общностью на обширной территории.

В регионах устойчивой адаптации буддизма (южных районах Бурятии) наблюдается тенденция к унификации трактовки культов "хозяев местностей". Из великого мно-

жества локальных божеств и духов-сабдаков избираются "пять ханов" (табан хануд), основных вершин, объектов поклонения (каждый культурно-ландшафтный регион определяет свою пятерку приоритетов). Напомним, что в храмовой буддийской литургии существует служба божеству Табан-хану. Строго говоря, это группа из пяти божеств разряда мирских хранителей религии и верующих (бурят. *сахюусан*). Генезис данного культа исследователи возводят к культуре Пехара. В бытовом обиходе почитание Табан-хана предписывается семьям, имеющим шаманские корни. В конце XIX – начале XX в. повсеместно шел процесс постепенной стандартизации и унификации разрозненных локальных культов в соответствии с системным подходом буддийской ритуальности.

В южных районах Бурятии верующие выделяют группу "Халхын табан хан" (пять халхасских ханов), например: Бурин-хан, Хумун-хан, Хугдэй-хан, Ухэр-хан, Хайринга-хан. Разные информанты представляют разные варианты списка "пяти ханов". В перечень иногда включаются Шагтай-хан, Алтай-хан, Дулаан-хан, Улаан-хан, Ноин-хан (Монголия) и др. Большинство информантов-селенгинцев на первое место выдвигают Хумун-хана, так как этот регион традиционно относился к приходу Цонгольского дацана (Отчет Бичурского отряда, 1966: 2). По мнению Б.Д. Базарова, известного баргузинского шамана 13-го поколения, пять царей – это Хаан-Хэнтэй-ноен, Хумэн-хаан, Хугтэй-хаан, Хайранга-хаан, Баян-Баатар-хаан – цари, оберегающие южную или солнечную сторону Наран тала. Кроме них, есть "пять тыльных царей", оберегающих северную сторону Байкальского региона: Хаан Дошхон-ноен (Хашаа хадын эзэн), Хаан Хута-ноен (хозяин острова Ольхон), Уула-хан Шубуун-ноен, Тумэршэ-ноен (Хухэй-хадын эзэн), Ажирай-бухэ (хозяин р. Лены). С востока регион оберегают "пять ханов": Дээдэ-баабай Бархан-уулын Хаан Шазага-ноен, Хаалюуд хадын эзэн-хаан Байгалай эзэн – Бахар-хара-ноен, хозяин п-ва Святой Нос – Хушуунай Баабай, Шалсанын-ундэрэй – Тэнгэрин хубуун Бугата-ноен, Тайгын тэнгэри – Торил Эрээн Буха. Есть также "пять царей" растительного и животного мира Зэрлиг-хаан-ноен: Хаан Хангай-ноен, Убэр-Хангай-ноен, Ара-Хангай-ноен, Баян-Хангай-ноен, Бура-Хангай-ноен.

Итак, отмечено, что культовой доминантой определенного этнокультурного региона становится чаще всего доминанта географическая – самая высокая точка рельефа. Любопытная деталь, о которой часто сообщают информанты: наиболее важные культовые объекты имеют четкое визуальное сообщение между собой и прежде всего с доминантной культовой точкой. Данный факт был неоднократно проверен автором этих строк в полевых условиях, при натурных обследованиях объектов. Так, находясь на каком-либо обоо, можно определить иерархическую систему, в которую входит данный объект. Поэтому свидетельства информантов о важном стратегическом значении доминантных географических высот в эпоху военной демократии кочевого общества выглядят вполне обоснованными. Расположение на главном культовом объекте дает стратегическое преимущество – возможность наблюдения за малыми культовыми объектами, входящими в данную систему.

Мункэ-Сардык – бурятская Фудзияма?!

Похоже, что возможность широкого обзора местности с объекта имела действительно важное значение, и физические показатели наибольшей высоты горы над уровнем моря, естественно, способствовали этому. Так, самой высокой вершиной в Восточной Сибири является горный массив Мункэ-Сардык (Мунко-Саридак, Мунхэ-харьдаг) Восточных Саян, высота которого достигает 3492 м. Название вершины Мункэ-Сардык означает "вечные снега" (монг. *tungqu* – вечный, *sariday* – гора, покрытая снегом, голыцы), которые не тают даже в самый жаркий летний период.

Высочайшая вершина Восточной Сибири Мункэ-Сардык – резиденция божества Бурин-хана.
Фото А. Фукаса

Горный массив – один из важнейших культовых объектов Восточно-Саянского региона – считается резиденцией хозяина местности, божества Бурин-хана (Бурэн-хан, Бурээн-хан). В ритуальном призывании, посвященном Бурин-хану, говорится: "Мунхэ саһан нуудал; Мурэн далайн хэлдээн; Доро уула дугы; Дамжууртаа абаһан ёһотнай", что можно перевести как: "Обитель твоя – вечные снега, просторы твои – Мурэн-Море; Окружение твое – горы, пониже тебя; Закон твой – преемственность".

Регион влияния Бурин-хана распространяется на Окинский, Тункинский, Закаменский районы Бурятии, Прихубсугулье на территории Монголии, а также Селенгинский, Джидинский, Кяхтинский и даже Бичурский районы Республики Бурятия³. На столь обширной территории есть несколько географических объектов, идентифицируемых верующими как Бурин-хан. В каждом регионе местное население ходит для поклонения к "своим" Бурин-ханам. В Окинском и Тункинском районах известно несколько "ставок" Бурин-хана; кроме Мункэ-Сардык это еще Мункэ-Сагаан, Нухундабан, Уллаһан-дабаан, Тэмээлик и другие *барисаны*.

Согласно легенде, Бурин-хан являлся самым сильным воином Ан Дулма-хана. Эпический герой Гэсэр-богдо-хан, сразившись с последним, сжег его, а воина Бурэн-хана схватил и усадил на Мунко-Саридак со словами: "Будешь сидеть здесь, спасать от несчастий этих людей, а люди будут тебе поклоняться" (Гунгаров 2004: 55). О мифологической связи Бурин-хана с Гэсэр-ханом свидетельствует предание, согласно которому Бурин-хан – один из трех небесных посланников (буумал), оставленных Гэсэром присматривать за порядком на земле. "Эсэгэ Малан-тэнгри отправил на землю своего сына Гэсэр-хана, чтобы он навел порядок на земле. Установив мир и благополучие, Гэсэр-хан оставил на земле трех баторов, чтобы они хранили судьбы людей, а сам снова поднялся на небо. Эти три батора стали сахюусанами, превратившись в горы: один из них Хан-Шаргай, второй Улан-Дэгээ Мэргэн буумал-хан в местности Халба, третий хан – Тельмен Саган-ноён в местности Оспэ-Элчир" (Тункинская экспедиция 1974).

Святая гора Бурин-хан есть в Джидинском р-не. Есть Бурин-хан в Селенгинском р-не, недалеко от с. Ташир. Местные жители называют их Баруун Бурин-хан и Зуун Бурин-

хан (т.е. западный и восточный) и утверждают, что они совершенно одинаковы по форме. Таширцы в число "пяти главных ханов" включают в первую очередь Буриин-хана, Хумуун-хана, Дулаан-хана, Хугтэй-хана (Отчет 2002 г.). Сартулы говорят, что раньше в тахилгане (ритуал поклонения) Буриин-хану участвовали все джидинские и селенгинские буряты. В традиционном наадаме (игрищах) после ритуала "соревновались сотни скакунов в конных скачках, сотни борцов в национальной борьбе и сотни лучников в стрельбе из лука" (Менжигшин 1994: 70). Информанты Кудара-сомона Кяхтинского р-на считают, что "есть пять великих ханов: три на российской территории – Хугдэй-хан, Буриин-хан, Хумун-хан и два на монгольской – Ундэр-хан, Дулаан-уула" (Там же 2004).

Святая гора Бурэн-хан в Монголии находится в Хубсугульском аймаке на северо-западе от сомонного центра Морон. Ее высота составляет 2181 м над уровнем моря. В ритуальном тексте на тибетском языке автора по имени Дорже Жалханзе Балжор Лхундуб Балсамбо "Подношение воскурений и сэржэма⁴ Буриин-хану" адресатами подношений называются Бурэн-хан, Дулаан-хар, Дэлгэр-морон (Сухбаатар 2001: 150–154).

Определить взаимоотношения этих разных географических объектов, связанных с Буриин-ханом, поможет анализ топонимического материала, представленного в ритуальных текстах, а также изучение топографии культовых объектов и субъектов их почитания. Много подсказок содержится в этимологии имен, в том числе их народной интерпретации и преданиях.

Пожалуй, ареал почитания Буриин-хана или распространения культа данного божества является наибольшим по сравнению с другими аналогичными культовыми объектами в Байкальском регионе. В списке "Священных гор Байкальского региона", составленном шаманом С.Ж. Гомбоевым, в Окинском р-не названы Ундэр Бурэн-хайрхан, в Тункинском р-не – Ундэр Буриин-хан, в Джидинском – Буриин-хан. Хотя селенгинские буряты, окинские сойоты и хубсугульские монголы произносят и пишут его имя по-разному, то, что это культ одного и того же персонажа, обнаруживает анализ ритуальных текстов и разновременных показаний информантов.

В призываниях Буриин-хана у шаманов разных регионов упоминаются топонимы Дуулан и Морон (Мурэн). Это позволяет локализовать начальное местоположение хубсугульским регионом Монголии. Топография этих объектов и их связь с географическими объектами Бурятии объясняют и главную причину, по которой Буриин-хан почитается бурятами так называемых восьми селенгинских родов. Монгольский Буриин-хан имеет ритуальные и геологические связи с горой Дулаан-хар-уул и рекой Дэлгэр-мурэн. Вершина Дуулан-хар-уул связана с Буриин-ханом перешейком; ее название означает "теплая черная гора". На ней, действительно, никогда не задерживается выпавший снег, и даже зимой она остается черной, не покрытой снегом. Река Дэлгэр-мурэн, сливаясь с рекой Идэр, становится Селенгой. Истоками Селенги также считаются небольшие речки Бэлтэс и Бугсэй. Оба названия, как полагает Сухбаатар, имеют эвенкийское происхождение: Бэлтэс от *бэлц* – прозрачный лед, *тэсэ* – частица-вербализатор; Бугсэй от *буксэ* – ледяная речка, источник с наледью. Таким образом, р. Селенга имеет горные ледяные истоки в Прихубсугулье Монголии. Именно истоки, начало, корни сущего – главный предмет почитания шаманистов.

Относительно топонима Мурэн-Далай нельзя не вспомнить, что в преданиях сохранились разрозненные сведения о древнем названии оз. Байкал – Мурэн, что значит "большая река". Говорят, в глубокой древности тунгусо-маньчжурские племена называли его так из-за узкой и сильно вытянутой формы. Несмотря на то что сейчас широко распространено мнение ученых о происхождении названия озера от тюркских корней *бай-куль*, что значит "богатое озеро", жители Баргузинской долины в названии видят вулканическую природу образования: *бай-гал*, или "стоящий огонь". С этими данными согласуются сведения баргузинского шамана бухэли Дархан-боо Бойток-Ба-

абая из его родовых преданий о временах, "когда еще не было озера Байкал. Река Ангара с устья слияния рек Верхней Ангары и Баргуджин называлась Ангар-Байгал-мурэном. Устье слияния находилось у подножия огнедышащей горы Байгал напротив горы Ойхан-уула". Эта гора называлась древними монголами небесной кузницей, хозяином которой был Бахар-Хара-ноен. На месте той вулканической горы образовался большой провал и возникло море, которое так и называли – Байгал-Далай (Базаров 2000: 131, 136). Таким образом, по топонимическим данным шаманских призываний сфера влияния Бурин-хан распространяется на Байкальский регион и бассейн р. Селенги.

Возможно, этимология имени Бурин-хан восходит к эвенкийским давно забытым корням. Во всяком случае, в настоящее время его имя связывают с монгольским словом *бүрэн*, что значит "цельный, полный, всеобщий" (Сухбаатар 2001: 88; Тункинская экспедиция 1974). Судя по имеющимся у нас данным, "поселение" Бурин-хана на Мунхэ-Сардыке является более поздним относительно его монгольской "резиденции". Об этом сохранились свидетельства информантов, записанные исследователями в разное время. Главная сюжетная линия в легендах о святых местах Тунки и Оки – битва культовых персонажей с завоевателями. Историки объясняют массовое переселение бурятских родов в XVI–XVII столетиях в таежные, северные окраины постоянными, междоусобными разборками и грабительскими набегами монгольских отрядов. Миграция населения, отдаление от традиционных культовых мест, а главное – установление российско-монгольских границ в первой половине XVIII в. и последующая невозможность беспрепятственного посещения сакральных объектов повлекли за собой перенос сакральной топонимики (и, наверное, не только ее) в другие географические условия. Весьма показательна в данном случае легенда о битве монгольского Соохорнойона с хранителями местных тункинских и окинских территорий. Легенда была записана Г.Р. Галдановой в 1974 г. в с. Туран Тункинского р-на. Приводим ее полностью, так как она содержит много топонимических сведений и не была ранее опубликована.

«Река Туран была названа так Соохор-ноён. Пришел он из Монголии завоевывать эти места, когда подъехал к реке, увидел на берегу очень худую лошадь, и сказал: "Ямар туранхай вэ" (До чего худая лошадь). В то время жил здесь человек по имени Шадир-бани. Он решил перейти в подданство Сагаан-хана (царя Николая). Для получения разрешения отправил послов к царю с 80-ю сундуками серебра. Когда прибыл посол с разрешением, Шадир-бани сделал огромный сан-воскурение, дым от которого доходил до самого неба и был виден на берегу озера Хубсугул, где находился Соохор-хан. Понял все Соохор-хан, рассердился, натянул свой лук, выстрелил и убил Шадир-бани на горе Яндид-уула. Приближенные Шадир-бани закопали 80 сундуков серебра, рядом девушку, которую убили, сказав, лежи, охраняй. После этого Соохор-ноён пошел по отрогам Саян, ныне Тункинский, Закаменский районы. В Санаге забыл свой черпак, оттого названо место шаногой, в Цаган-Морине осталась его белая лошадь, в Шара Азарге – соловый жеребец, переправлялся через реку Зун-Мурино на 100 лошадях, поэтому эти места стали так называться. Подошли к Ангаре, стали искать брод, поехали вдоль берега, Соохор-ноён говорит, должен быть мертвец о двух ногах, увидел, что плывет в реке кусок бревна. На другом берегу видят, старик оправляется. Соохор крикнул ему: "Эй, ты, нужду справляющий на берегу, укажи брод". А старик отвечает, а на что мол, дерьма моего отведать хочешь. Разозлился Соохор, заморозил Ангару, перешил реку по льду, зарубил старика мечом, а он не умирает. Старик говорит, не можешь меня убить, съезди в село, там женщина родила, возьми хуухэнэй нухэр (послед), оберни им мою голову. Соохор так и сделал, тогда голова старика отвалилась. Старик превратился в рыбу и поплыл по Ангаре, Соохор превратился в тайменя, погнался за ним, хотел проглотить, в это время рыба превратилась в птишку и полетела. Соохор превратился в ястреба, полетел в погоню. Только стал нагонять, птишка залетела в расщелину скалы, так и не смог ее поймать. Полетел Соохор по Тунке, в районе Тор встретился с батором, выстрелил в него, прострелил ему печень и легкие. Батор сказал: "Эх, нечаянно я попался, заведи все", и умер. В Харбятых встретился с Кыренским хореном. Тот перескакивал с горки на горку верхом на лошади. Выстрелил Соохор, прострелил ему

бок, ахнул тот: "Нечаянно попался я, но не умру на чужбине", доскакал до Тэбхэри, там и умер. Был он монголом. Ангарын таабий в это время прилетел к Буха-ноёну, пожаловался, что объявился такой-то, спаси от преследований. Буха-ноён сказал: "Иди лучше к Шаргаю, пусть он тебе поможет, когда уж я доеду на своем быке". Пошел он к Шаргаю, тот ответил: "Хорошо, помогу, возвращайся домой". В это время Соохор-ноён отдыхал на высоком привале, войско было большое, чай почти весь выпит. Подъезжают двое на оленях, Соохор угощает, просит извинения, всего одна чашка осталась, разделите и пейте. Один взял и все выпил, другому не досталось; отошли к оленям, вдруг один на другого набросился, почему мне не оставил. Соохор лежит, наблюдает, а тот взял и отрубил голову первому, тут сразу голова Соохор-ноёна отлетела. Это был Шаргай-ноён. С тех пор его стали называть бугды дилха Бурин-хан, бугды эзэлхэ Бурин-хан (всех побеждающий всеобщий хан, владыка всех Бурин-хан). Местопребывание его на Мунхэ-Сардык, ангарский старик Ханхалзай-заарин стал хозяином Ангирут-хада в Иркутской области».

Согласно легенде, конфликт монгольского Соохор-нойона с Шаргай-нойоном возник из-за грабительских набегов первого на Тункинские земли и ухода человека Шадир-бани, жившего в этой местности (в Туране), под покровительство Сагаан-хана, т.е. русского царя. Мифологема битвы пестрого пороза (Сохор-ноена, вариант – Тарлан Эрэн буха) с сивым (Хухэ Буха-ноен) присутствует во многих локальных легендах, согласно которым сивый бык потерпел поражение и Соохор-ноен продолжил свое шествие по Тунке, но был остановлен Шаргай-ноеном. В результате этой победы Шаргай-нойона (букв. "соловый князь") стали называть Бурин-ханом, т.е. всепобеждающим "Всеобщим Царем". Антропоморфный образ Шаргай-ноена обычно предстает в виде воина на соловом коне. Однако если речь идет о мифологической битве порозов, то следует предположить существование эманации Шаргай-ноена в облике быка соловой масти.

Н.Л. Жуковская вполне справедливо не исключает солярное толкование данного мифа как отражение в битве быков извечной борьбы дня и звездной ночи (Мифы... 1997: 200). Но все же, похоже, легенда в мифологических образах и сюжетах передает переживания реальных исторических событий. В таком случае возраст Бурин-хана Мунко-Сардыкского, или, вернее, срок его "жительства" на Мунко-Сардыке составляет около 300–400 лет. Означает ли это, что Шаргай-нойон и Бурин-хан – один и тот же персонаж? И да, и нет. Нет, потому что Бурин-хан "пришел" из Монголии в Тунку-Оку вместе с мигрантами, когда установили русско-монгольский рубеж, а Шаргай-нойон, как следует из предания, жил здесь и ранее и, как свидетельствуют некоторые информанты, резиденцией его являются отроги Саянских гор, массив Алтан Мундарга, находящийся север-западнее Мунко-Сардыка. Да, потому что на это существуют прямые указания: в шаманских призываниях для Хаан Шаргай-тэнгэри "в качестве синонима применяют название Буурал-толгой – Бурхан-баабай". Некоторые тункинские шаманы также утверждают, что "Буурал-толгой – Бурхан-баабай – синоним хаан Буудала Бурэн-хан Богдо – хозяина горы Мунхэ-харьдаг" (Базаров 2000: 128).

Кроме того, слово Бурхан может быть прочитано как сокращение Бур(ин)хан, где *-ин* – суффикс родительного падежа в монгольских языках. В таком случае Бури-хана, или Бурхана, следует воспринимать как верховное божество общетункинского, буквально "всеобщего" значения. Такой статус из хтонических божеств Байкальского региона носят двое: Бурин-хан – хозяин Мунко-Сардыка и Хан Хута-баабай – хозяин Ольхона. Принято считать, что слово *бурхан* (*буркан*, *пуркан*, *пурган*) – тюрко-монгольская модификация слова *будда* (*будда-хан*). У монгольских, некоторых тюркских, тунгусо-манчжурских народов оно может обозначать будду, бога вообще, изображение бога, идола, духа. И все же, как справедливо отмечает С.Ю. Неклюдов, в понятии *бурхана* присутствует противопоставление тенгери, как **множеству** богов и духов – **единого** небесного божества (МНМ 1997: 196).

Похоже, что в имени Бурин-хана отразилась сложная контаминация разновременных культов, а в самом образе воплотился процесс консолидации этноса. Следова-

Обоо между двух озер Баруун Торей и Зуун Торей в Приононье Читинской обл. Фото автора

тельно, вершина Мунко-Сардык, как считал известный религиозный и общественный деятель лама Данзан-Хайбзун Самаев, действительно, могла бы со временем стать бурятской Фудзиямой.

Историческое значение сакральных топонимов

Сохранение имени, названия культового объекта – одно из условий продолжения традиции. Изучение микротопонимии святых мест Байкальского региона, как традиционных объектов почитания, представляется особенно значимым, так как в ономастике сакральных объектов сохраняются все характерные информативные свойства, отмеченные исследователями этнонимии и топонимии. Однако в данном вопросе есть определенная сложность, поскольку под географическим объектом поклонения, как правило, подразумеваются неидентичные объект и предмет поклонения. Очень часто имени предмета поклонения придавалась столь высокая степень сокровенности, что оно было тайным, и знать его и произносить имели право только посвященные. Простым верующим услышать тайное имя можно было лишь в ритуальном действе, проводившемся в определенное время и в определенном месте. Произносить все собственные имена высших божеств запрещалось, дабы не беспокоить высоких особ. В обыденной ситуации, вне ритуала, их имена заменялись нарицательными названиями, сокращались, использовались гонорифические слова или титулы с географическим названием местности. Например, *дээдэ-баабай* – верховный батюшка, *буурал-баабай* – седой батюшка, *хайр-хан* – милостивый, *хан*, *эзэн* – властитель, владыка, хозяин.

Подобное явление свойственно не только рассматриваемой тематике. Обращение к правителю государства, императору или высокопоставленному лицу высшего ранга не должно содержать собственного имени персоны; в русских реалиях, например, вместо имени употреблялись слова: "государь", "владыка", "ваше величество", "ваше высочество" и др. Окружение высокой персоны даже в речи от третьего лица избегает употреблять ее собственное имя. Этот факт стал причиной того, что в настоящее время персонифицированные имена культовых объектов оказались полузабытыми, учитывая долгий период официального запрета на проведение религиозных ритуалов. В настоящее время нередки случаи, когда даже священнослужители смешивают имена культовых географических объектов и их предметов – персонифицированных адресатов ритуала. Собственно многие сакральные имена стали известны только благодаря смене религии. Например, имя Бархан обычно заменялось на обращение Дээдэ-баабай. Табуированное имя в процессе буддизации шаманских объектов было записано в ритуальных текстах на тибетском языке и стало произноситься открыто.

Микротопонимы и глобализация

Как совершенно справедливо отмечал М.Н. Мельхеев, "для бурятской топонимии в прошлом была характерна подробная детализация географической номенклатуры. Каждый самый маленький регион, отличающийся от других характером микрорельефа, растительности или положением по отношению к реке, улусу, или принадлежностью владельцу земли, выделяется в особое урочище с особым названием". Собственно говоря, существование подробной топонимической системы свидетельствует о глубоком освоении территории и жизненного пространства этнокультурными сообществами. Специфика кочевого образа жизни и ведения животноводческого хозяйства определяли характер освоения территории, когда именно естественные, природные ресурсы фиксировались и отмечались человеком для рационального и щадящего их использования, как правило, без внесения радикальных изменений.

Существование подробной микротопонимии говорит об активной включенности природных объектов в социально-экономическую деятельность человеческого сообщества. По заключению А.В. Суперанской, "специальные географические названия даются... не всем объектам, а лишь тем из них, которые когда-либо, чем-либо заинтересовали людей" (*Суперанская* 1967: 213). Можно с уверенностью утверждать, что чем более подробна микротопонимия местности, тем более глубоким является освоение природного пространства населением. Древняя микротопонимия географических объектов в достаточно однородном, на взгляд современного горожанина, ландшафте свидетельствует о традиционном землепользовании коренного населения местности. Например, Д.Д. Нимаев, изучавший микротопонию Селенгинского р-на Бурятии, отмечает "включенность" даже отдаленных лесных участков, что объясняется "спецификой кочевого скотоводства и охотничьего промысла". Исследователь приводит такие названия, как "Галуута – имеющая гусей, Загастай – рыбная, Тарбагатай – обильная тарбаганами (сурками), Халгайта – имеющая крапиву, Хушата – кедровая, Шабарта – глиняная, Бэрхэ дабан – труднопроходимый перевал, Салхита хунды – ветреная падь и т.д." (*Нимаев* 1980: 136). Названия местностей отражают природные особенности объектов, которые, вероятно, имели для насельников важное хозяйственное значение.

Много вопросов вызывает явление идентичной топонимии в разных, удаленных друг от друга регионах, особенно если название трудно поддается расшифровке. Например, название местности Тором (с. Ташир Селенгинского р-на РБ) непонятно местным жителям. Аналогичный топоним, как название небольшого озера, часто встречается у хоринцев. Однако среди таширцев представителей хоринского населе-

ния почти нет, что исключает вероятность заимствования. В монгольской топонимии этот термин обозначает высохшие солончаки в виде круга, без растительности (Казакевич 1934). Вероятнее всего к тому же корню "тор" восходят названия крупных солончаковых озер в Джидинском р-не РБ – Верхний Торей и Нижний Торей и в Ононском р-не Читинской обл. – Баруун Торей и Зуун Торей. В Ононском р-не есть множество озер с пересыхающим водотоком, многие из которых в своем названии имеют составляющую "тором", "торум", "торм", что собственно одно и то же монгольское слово, записанное русскими топографами в вариациях. Так, в цепи озер, спускающейся дугой от р. Онона к р. Борзя, есть ряд названий с составляющей "тор": Демьян-Тор, Филинов Торум, Большой Торум, Цаган-Торум, Василь-Торм, Манцугой-Тором. Кроме того, среди небольших озер, которые географы относят к бассейну больших Торейских озер, есть также однокоренные названия: Булуун-Цаган, Убудук, Батуй, Ару-Торум, Иргицик, Ангой, Улан-Нур, Хойту-Нур, Монгу-Туй, Бабай, Хойто-Торум и др.

Большинства названий незначительных географических объектов нет на обычных картах, и знать о них может только местное, немногочисленное население. Однако каждое название несет в себе историческую, фольклорную, мифологическую, географическую и геологическую информацию, опыт длительного природопользования коренным населением региона. Название отражает естественные свойства почвы, характер рельефа, геологические качества и т.д., т.е. то, что было значимо для кочевника. Специальные географические названия давались лишь тем объектам, в которых люди были заинтересованы и которые использовали: где растут определенные виды растений, лекарственные травы, травы, употребляемые в качестве приправ к пище, хозяйственные породы деревьев; где можно добыть серебряную руду или медь, уголь или кремень; какими качествами обладает вода определенных источников и водоемов; где обитают те или иные виды промысловых, хищных и других животных; где можно найти естественное укрытие от ураганных ветров, наводнений и т.д. Информация об этом передавалась из поколения в поколение, от отца к сыну, и это было необходимым условием выживания и благополучия населения.

Один из моих друзей однажды сказал: "Культурными народами можно назвать те, что осваивают пространство вглубь, а невширь. Кочевники пытаются захватить как можно большую территорию, потому что не могут освоить свою территорию вглубь...". И привел мне в пример Японию: "Земли мало, ресурсов нет, японцы вынуждены были интенсивно осваивать пространство, поэтому и стали высококультурным народом". Аргументация мнения об отсутствии культуры у кочевников вообще (надо сказать, весьма стереотипная) кажется убедительной, а пример с Японией очень удачным. Но только на первый взгляд. Япония не есть пример глубокого и интенсивного использования своей этнической территории. В Японии не менее 75% площадей занимают горы, под сельскохозяйственные угодья используется 14% всей территории, а населенные пункты составляют лишь 10% от общей площади страны. Почти 90% поверхности японских островов покрыты лесами, можно сказать, девственной сохранности. И Япония вовсе не стремится освоить эти леса и горы, потому что это – "легкие" страны и ее бесценный национальный капитал.

В аридных условиях Центральной Азии для скотоводческой, хозяйственной деятельности кочевнику нужны обширные пространства. В степи совершенно другие расстояния и меры определения их. Когда степняк говорит, что объект находится "близко, совсем рядом", он может оказаться на расстоянии в сотни километров. Сезонные кочевки тунгусов-охотников и вовсе достигали тысячи километров. И все же кочевники ориентируются на обширной территории, тонко ощущая каждую пядь земли, различая их словно морщинки на лице родной матери. В Байкальском регионе, на территории России, за годы перестроек сохранились лишь крошечные островки кочевничества, и пока еще живы люди, для которых каждый холмик в степи имеет "свое лицо" и свое имя...

Редкий случай – одновременно три главные синтоистские святыни Японии: солнце, Фуджи-сан и белые лебеди. Фото автора

По микротопонимии Байкальского региона опубликовано не так много работ, а это означает, что существует серьезная опасность утери данного вида исторического свидетельства уже в ближайшем будущем, так как смена языковой доминантности в регионе и глобализационные тенденции нивелирования этнокультурных различий влекут за собой переименование географических и антропогеографических объектов с легитимным закреплением новой топонимии.

Примечания

¹ Название р. Ингода буряты произносят как *Инжи*, *Инжин-гол*; на старомонгольском языке *inji* означает "приданое невесты". Согласно легенде, в древности эта местность, долина *injin-gol*, была отдана в качестве приданого высокородной принцессе.

² Исследование проводилось в 2000–2002 гг. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 00-06-80161а), в 2004–2006 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 04-01-00350а). Руководитель – С.Д. Сыртыпова.

³ Проникновение культа Бурин-хана или его некоторых элементов в Бичурский р-н можно объяснить тем, что здесь смешанно проживают хоринские и селенгинские роды бурят. Один из основных культов у бичурцев – культ Гутай-баабай. В ритуальных текстах-призываниях среди адресатов подношений кроме местных бичурских топонимов называют также Хумэн-хана, Хунтэй-хана, Бурэн-хана (*Очирова* 1981: 75).

⁴ *Сэржэм* от тиб. *gser skyems* – букв. "золотой напиток" – подношение божествам и духам нетронутой части традиционных напитков: молока, чая, водки и др.

Источники и литература

- Базаров* 2000 – *Базаров Б.Д.* Таинства и практика шаманизма. Улан-Удэ, 2000.
- Бальжинимаева* 1990 – *Бальжинимаева Ц.Ц.* Синтаксические структуры топонимов Аги // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990. С. 32–37.
- Бураев* 1990 – *Бураев И.Д.* Эвенкийские топонимы в бурятском языке // Исследования по ономастике Прибайкалья. С. 3–8.
- Галданова* 1992 – *Галданова Г.Р.* Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск: Наука, 1992. С. 10–30.
- Гунгаров* 2004 – *Гунгаров В.Ш.* Буряад домогууд (Бурятские предания). Улан-Удэ, 2004.
- Дамдинов* 1976 – *Дамдинов Д.Г.* О топонимике бассейна реки Онон // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ. 1976.
- Дондуков* 1990 – *Дондуков У.-Ж.Ш.* Этимологические разыскания названий топонимов и гидронимов Тугнуйской долины, связанных с историей аборигенов края // Исследования по ономастике Прибайкалья. С. 90–97.
- Знакомство с Японией 1999 – Знакомство с Японией. Токио, 1999.
- Казакевич* 1934 – *Казакевич В.А.* Современная монгольская топонимика // Тр. монгольской комиссии. Вып. 13. Л., 1934.
- Манжигеев* 1978 – *Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978.
- Материалы Тункинской экспедиции 1974 – Отчет о полевых исследованиях в Тункинском районе Г.Р. Галдановой: Культовые места. Архив ИМБТ. Инв. № 3406(2)-2265.
- Мельхеев* 1976 – *Мельхеев М.Н.* Карта расселения и перемещения бурятских родо-племенных групп по данным топо- и этнонимике // Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ, 1976. С. 3–28.
- Мельхеев* 1969 – *Мельхеев М.Н.* Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: БКИ, 1969.
- Менжигишин* 1994 – *Менжигишин Д.-Д.* Буряад ороной сартуул изагууртан. Закаменск, 1994.
- МНМ 1997 – Мифы народов мира: Энциклопедический словарь. Т. 1. М.: БРЭ, 1997.
- Нимаев* 1974 – *Нимаев Д.Д.* Микротопонимия села Ташир Селенгинского района Бурятской АССР // Исследования по топонимике. М., 1974.
- Нимаев* 1980 – *Нимаев Д.Д.* Микротопонимия Селенгинского района // Быт бурят в настоящем и прошлом. Улан-Удэ, 1980. С. 132–138.
- Отчет Бичурского отряда, 1966 – Отчет Бичурского отряда историко-этнографической экспедиции Отдела зарубежного Востока. 1966 г. Архив ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 3111/4.
- Отчет 2002 – Отчет С.Д. Сыртыповой об экспедиционных исследованиях по программе "Сартулы и цонголы в Бурятии и Монголии", 2002 г. Архив ЦВРК ИМБТ СО РАН.
- Отчет 2004 – Материалы полевых исследований в Кудара-сомоне Кяхтинского р-на РБ. Отчет С.Д. Сыртыповой 2004 г. Ч. 2. Архив ЦВРК ИМБТ СО РАН.
- Очирова* 1981 – *Очирова Г.Н.* Шаманистский культ гутай-бабая // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 70–83.
- Сухбаатар* 2001 – *Сухбаатар О.* Монголын тахилгат уул усны судар оршвой (Sacred sites of Mongolia). Ulaanbaatar, 2001.
- Тункинская экспедиция 1962 – Материалы этнографических исследований сектора буддологии Отдела зарубежного Востока БКНИИ. Архив ЦВРК ИМБТ. Инв. № 3111/6.
- Цыденданбаев* 1981 – *Цыденданбаев Ц.В.* Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.
- Шулунова* 1995 – *Шулунова Л.В.* Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ, 1995.

S.-K.D. Sy r t y p o v a. The Toponymics of Sacred Objects in the Baikal Region

Names of sacred sites and traditional cult objects in the Baikal Lake area remain interesting sources for historical and ethnographic research, despite difficulties posed both to local names themselves and to the study thereof in the framework of onomastics. The author argues that there is still much to be learned from names of old cults, such as Burin-haan, Burhan-baabai, Sayan Mountains's lord, which tell us about the ways native societies of the area had developed.